

Спектор Людмила Александровна

**УГРОЗА ИЛИ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СВЯЗИ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ПРАВОСУДИЯ:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В статье рассмотрены вопросы об угрозе или насильственных действиях в связи с осуществлением правосудия как преступления против правосудия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 178-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

13. Там же. Ч. 2. 271 с.

14. Соскин В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа. Новосибирск: Наука, 1971.

15. Соснин В. Л. Развитие материальной базы народного образования в Сибири в первое десятилетие Советской власти // Школа и учительство Сибири 20-30 гг. Новосибирск: Наука, 1978.

16. Третий краевой съезд Советов Сибири 3-9 декабря 1930 г. / под. ред. И. А. Молетотова. Новосибирск, 1993. Ч. 1, 2. 213 с.

THE LEADING AREAS OF SIBERIAN DISTRICT AUTHORITIES ACTIVITY IN 1925-1930

Pavel Vladimirovich Sorokun

*Department of Civil-Criminal and Branch Law
Krasnoyarsk State Agrarian University (Branch) in Achinsk
pavel_istoria@list.ru*

Valeriy Gennadievich Dorohov, Ph. D. in History

*Department of History and Culture of Russia
Kemerovo State University
dorohov_@mail.ru*

In the article the main areas of Siberian district authorities activity in 1925-1930 are described. It was the time from Siberian Territory formation till its reorganization. The authors try to define the leading area of work of the executive and legislative district authorities within this territory in the context of the social, economic and cultural-educational development of Siberia.

Key words and phrases: local administration; Siberian Territory; district executive committees; congress of Siberian Soviets.

УДК 343.3/7

В статье рассмотрены вопросы об угрозе или насильственных действиях в связи с осуществлением правосудия как преступления против правосудия.

Ключевые слова и фразы: правосудие; насильственные действия; преступления в сфере правосудия.

Людмила Александровна Спектор

*Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, г. Шахты
spektor2@yandex.ru*

УГРОЗА ИЛИ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СВЯЗИ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ПРАВОСУДИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ©

Опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что угрозы и насильственные действия в отношении судьи, присяжного и арбитражного заседателя способны существенным образом повлиять на выполнение ими своих обязанностей по осуществлению правосудия.

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование судебной власти, т.е. нормальная деятельность суда, обеспечивающая независимость судей по осуществлению правосудия.

Дополнительным объектом могут выступать жизнь, здоровье или имущественные права судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а также их близких.

И. В. Лукьянова дополнительным объектом признает личную неприкосновенность потерпевших [2, с. 53]. Однако, учитывая позицию законодателя, данный вывод является общим, не отражая характер угроз, указанных в ч. 1 ст. 296 УК. По этим же основаниям нельзя согласиться и с позицией В. И. Борисова и В. Н. Куц, признающих в качестве такового психическую неприкосновенность потерпевших.

В литературе большинство авторов объектом рассматриваемого преступления считают законную деятельность судебных органов, прокуратуры и следственных органов. Между тем, С. Ф. Милюков указывает, что при буквальном толковании можно придти к выводу, что основанием угрозы может быть как законная, так и незаконная, и даже преступная деятельность лиц, отправляющих правосудие. И в связи с этим он предлагает в ст. 296 УК непосредственно указать о законности деятельности лиц, отправляющих правосудие. Нам представляется данное мнение автора надуманным, ибо закон всегда охраняет только законную деятельность потерпевших. Справедливо пишут А. С. Горелик и Л. В. Лобанова, незаконная деятельность не имеет с правосудием ничего общего.

Некоторые авторы дополнительным объектом признают здоровье потерпевших, исключая их жизнь [4, с. 534]. Нам представляется, что безопасность жизни также выступает как дополнительный объект, ибо виновные угрожают потерпевшим не только причинением вреда здоровью, но и убийством.

А. В. Наумов основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления признает жизнь, здоровье и имущественные права судей, присяжных заседателей и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, что, на наш взгляд, не отражает в полном объеме характер общественных отношений, охраняемых ст. 296 УК РФ. При таком подходе, место рассматриваемой нормы в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья», что мы уже отмечали, анализируя позицию А. В. Наумова, высказанную им относительно определения непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК.

Высказывается мнение и о том, что в качестве объекта данного преступления следует рассматривать независимость судей, что не отражает в полном объеме характер охраняемых правоотношений.

Л. В. Лобанова выступает против признания имущественных отношений в качестве дополнительного объекта, ссылаясь при этом на мнение Л. В. Сердюка, что неверно толкует объект угрозы в зависимости от того, что входит в ее содержание. А поэтому, если виновный угрожает поджечь дом, то страдает не собственность, а личность, также как и при угрозе убийством. Однако с таким мнением трудно согласиться, поскольку именно содержание угрозы и определяет объект посягательства – жизнь, здоровье или собственность.

Нельзя согласиться и с мнением, что основным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 296 УК, являются общественные отношения, обеспечивающие психическую безопасность (состояние психической защищенности) лиц, участвующих в отправлении правосудия, а также их близких как условия надлежащего осуществления этой деятельности. Психическая безопасность потерпевших не может быть объектом рассматриваемого преступления. Именно надлежащее осуществление отправления правосудия и является непосредственным объектом, на что и посягает виновный. Без этого содеянное должно квалифицироваться по ст. 119 УК РФ.

Не является непосредственным объектом и принцип независимости судей, ибо посягательство совершается на нормальное функционирование судебной власти, что проявляется, в том числе, и в реализации принципа независимости судей, не подменяя им деятельность по отправлению правосудия [3, с. 167].

М. М. Курбанов считает, что объектом рассматриваемого преступления является безопасность субъектов судопроизводства, что сближает его позицию с позицией А. В. Наумова.

Потерпевшими при совершении данного деяния могут выступать: 1) судьи; 2) присяжные заседатели; 3) арбитражные заседатели; 4) близкие указанных лиц.

Объективная сторона деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 296 УК РФ, характеризуется высказыванием угроз: а) убийства; б) причинения вреда здоровью; в) уничтожения или повреждения имущества. Следовательно, по своему содержанию рассматриваемая угроза шире, чем угроза, предусмотренная ст. 119 УК РФ, о чем справедливо замечают и другие авторы. Однако, несмотря на это, в литературе высказывается мнение о расширении содержания угрозы в ст. 296 УК. Так, А. А. Крашенинников предлагает в число угроз включать и причинение существенного вреда иным правоохраняемым интересам потерпевшего или его близких.

Под угрозами теория уголовного права понимает психологическое воздействие на потерпевшего в целях изменения его поведения в интересах угрожающего лица без совершения каких-либо действий, направленных на его реализацию. И этим угроза отличается от намерения совершить преступление. Поэтому трудно согласиться с Н. И. Ветровым, указывающим, что угроза представляет собой психическое воздействие, которое выражает явное намерение причинить вред охраняемым законом интересам.

Рассматриваемая угроза направлена по существу на совершение виновным иного преступления – воспрепятствовать отправлению правосудия, являясь способом достижения этого, хотя в диспозиции об этом и не говорится. Без этого высказываемая угроза образует деяние, предусмотренное ст. 119 УК.

Формы выражения угроз могут быть различны, в том числе и через третьих лиц. Но в любом случае данная угроза должна быть доведена до сведения потерпевших. Высказывание угроз без намерения обязательного доведения ее потерпевшим состав преступления не образует. И, как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 15 июня 2004 г., под угрозой убийством следует понимать не только прямые высказывания, в которых выражалось намерение немедленного применения физического насилия к потерпевшему или к другим лицам, но и такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы (нож, бритва, топор и т.п.). Так, по делу Ф. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала, что ответственность за угрозу убийством судье в связи с осуществлением правосудия наступает независимо от того, в какой форме она была высказана. Отсюда следует, что ошибочным является суждение некоторых авторов, полагающих, что угроза убийством является одновременно и вмешательством в деятельность суда, а поэтому содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, т.е. по ст. 294 и ст. 296 УК.

По-разному интерпретируется в литературе и само содержание угроз, охватываемых ст. 296 УК РФ. Так, некоторые авторы полагают, что, согласно данной статье, ответственности подлежат только виновные в высказывании угроз убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. Поэтому угрозы совершения иных действий в отношении потерпевшего, например, уволить с работы и т.д., рассматриваемый состав преступления не образует.

Напротив, другие авторы полагают, что, например, угроза изнасилования, похищение человека и т.п., также образует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 296 УК РФ, с чем согласиться трудно, поскольку ч. 1 ст. 296 УК РФ не предусматривает угрозу совершения насильственных действий. Хотя правы сторонники данной позиции, что ст. 296 УК целесообразно придать редакцию ст. 176/2 УК РСФСР 1960 г., которая предусматривала ответственность за угрозу насилием, а не за угрозу причинения вреда здоровью.

Для состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 296 УК РФ, обязательно требуется, чтобы высказывание угрозы было объективно связано с деятельностью потерпевших по отправлению правосудия. Угрозы, высказываемые потерпевшим по личным мотивам, квалифицируются по ст. 119 УК РФ.

Для наказуемости рассматриваемой угрозы она должна обладать признаком общественной опасности, т.е. способной устроить потерпевшего. В содержание общественной опасности угрозы следует, как нам представляется, отнести: 1) важность и ценность объекта, охраняемого уголовным законом. И, несомненно, прав Н. В. Стерехов, указывая, что, чем выше ценность общественного отношения, тем большую общественную опасность представляет угроза его уничтожением; 2) тяжесть возможного ущерба или вреда, могущего наступить при реализации угрозы. Таким возможным вредом могут выступать лишение жизни потерпевшего (убийство), причинение вреда здоровью, а также причинение имущественного ущерба; 3) реальность высказываемой угрозы. При этом, как подчеркивает Л. В. Сердюк, чем реальнее угроза, тем значительнее ее влияние на психику потерпевшего, а значит, тем выше степень ее общественной опасности.

К сожалению, в литературе отсутствует единство взглядов относительно понимания реальности угрозы, хотя разрешение данной проблемы имеет важное практическое значение для решения вопроса о возможности привлечения виновного к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное ст. 296 УК. При отсутствии реальности угрозы, не способной оказать психическое воздействие на потерпевшего, исключается общественная опасность данной угрозы.

Некоторые авторы полагают, что реальность угрозы определяется возможностью создания у потерпевшего убеждения в немедленности ее исполнения.

Другие считают, что реальность угрозы означает способность убедить потерпевшего в возможности ее осуществления.

Л. В. Сердюк высказывает мнение, что реальной следует считать угрозу при следующих условиях: 1) серьезность причин, вызвавших угрозу; 2) внешняя активность ее проявления; 3) наличие у виновного возможности ее осуществления; 4) обстоятельства, характеризующие личность виновного.

Анализ приведенных позиций различных авторов относительно понимания реальности угрозы показывает, что одни из них исходят из объективного критерия, когда оцениваются обстоятельства, характеризующие само совершение деяния, т.е. угрозу, другие же исходят из субъективного критерия, когда условия, при которых высказывается угроза, воспринимается потерпевшим как реально угрожающая его жизни, здоровью, имуществу. Собственно, из различия критериев подхода к оценке реальности угрозы, на наш взгляд, и отсутствует единство взглядов ученых, что создает и значительные трудности для следственно-судебной практики. Поэтому мы разделяем позицию А. А. Крашенинникова, что при определении реальности угрозы следует руководствоваться как объективными, так и субъективными факторами. К числу объективных факторов надлежит относить форму, обстановку, место и время выражения угрозы, количество лиц, угрожавших потерпевшему, их физические данные, взаимоотношения между виновным и потерпевшим, характеризующие данные виновного, возможные демонстрационные действия виновного подкрепляющие угрозу. К субъективным факторам относится восприятие потерпевшим угрозы как могущей быть приведенной в исполнение. Указанные факторы надлежит учитывать в их совокупности.

Таким образом, высказываемая виновным угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного и арбитражного заседателя, а также в отношении их близких, должна обладать свойством общественной опасности, способной в силу ее реальности оказать воздействие на свободное волеизъявление лиц, участвующих в отправлении правосудия. Угроза, лишённая реальности воплощения ее в совершении угрожаемых действий, признаваться преступлением не может.

Являясь формальным составом преступления, рассматриваемые угрозы признаются оконченным составом преступления с момента их высказывания, независимо от того, были ли эти угрозы в последующем реализованы, и имел ли виновный намерение реализовать свою угрозу. Однако высказываемые угрозы как психическое воздействие на потерпевшего с целью изменения его поведения в интересах угрожающего либо из мести за предшествующую угрозе деятельность должна быть доведена до сведения потерпевшего. И таким путем виновный порождает у потерпевшего чувство страха и беспокойства за свою жизнь и здоровье. Несомненно, был прав Н. С. Таганцев, подчеркивая, что угроза опасна «благодаря тому беспокойству, волнению, которое угроза или похвальба производит в угрожаемом лице или в обществе». Поэтому ошибочной является позиция авторов, полагающих, что для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 298 УК РФ не имеет значения, самому потерпевшему или окружающим была высказана угроза.

Субъективная сторона деяния предусматривает наличие у виновного только прямого умысла, т.е. лицо осознает общественно опасный характер высказываемой им угрозы в связи с осуществлением судьей, присяжными или арбитражными заседателями правосудия, предвидит, что тем самым оказывает психическое воздействие на них, и желает этого. При этом виновный стремится помешать осуществлению правосудия, что вытекает из диспозиции рассматриваемой статьи.

Характеризуя субъективную сторону рассматриваемого преступления, В. В. Ким предлагает непосредственно в законе закрепить специальную цель – воспрепятствование законной деятельности потерпевших. На наш взгляд, данная позиция заслуживает внимания. Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что рассматриваемая угроза должна быть направлена только на воспрепятствование деятельности по отправлению правосудия. Поэтому высказывание угроз с целью мести лицам, участвующим в отправлении правосудия, надлежит, на наш взгляд, квалифицировать по ст. 119 УК.

Часть 3 ст. 296 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за высказываемые угрозы, сопровождающиеся применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, а ч. 4 – когда угроза сопровождалась насилием, опасным для жизни или здоровья.

Для раскрытия данных понятий следует руководствоваться положениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г., в соответствии с которым под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли, либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и т.п.).

Под насилием, опасным для жизни и здоровья, понимается такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что диспозиции ч. 3 и ч. 4 ст. 296 УК являются отсылочными, т.е. отсылают к ч. 1 и ч. 2 данной статьи. Однако при этом составы преступлений формируются как угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, совершенные с применением насилия, не опасного (ч. 3) либо опасного для жизни или здоровья (ч. 4). Но применение данных видов насилия уже поглощает угрозу применения насилия, являясь по существу психическим насилием. В связи с этим, ст. 296 УК, на наш взгляд, целесообразно сформулировать в следующей редакции:

Статья 296. Применение насилия либо угроза его применения в связи с осуществление правосудия или производством предварительного расследования.

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза его применения в отношении судьи или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, а равно в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного пристава-исполнителя либо их близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел и материалов в суде, исполнением приговора или иного судебного акта, - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, или лишением свободы на срок до трех лет.

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза его применения в отношении судьи или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, а равно в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного пристава-исполнителя, либо их близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел и материалов в суде, исполнением приговора или иного судебного акта, - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

По-разному в литературе решается вопрос об оценке причинения виновным тяжкого вреда здоровью. Так, некоторые авторы считают, что в данном случае содеянное охватывается ч. 4 ст. 296 УК РФ. Другие же полагают, что содеянное, в этом случае требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

Нам представляется, что дополнительная квалификация по соответствующей ч. 3 и ч. 4 ст. 111 УК РФ требуется, если тяжкий вред был причинен именно при обстоятельствах, указанных в ч. 3 и ч. 4 ст. 296 УК. При отсутствии данных обстоятельств, содеянное квалифицируется по ч. 4 ст. 296 УК РФ.

При совершении деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 296 УК РФ, *дополнительным* непосредственным объектом выступает здоровье потерпевшего, а при совершении деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 296 УК РФ, в качестве такового выступают жизнь или здоровье потерпевшего. В литературе вместо разделительного союза «или» некоторые авторы используют соединительный союз «и», что не соответствует содержанию и смыслу ч. 3 и ч. 4 ст. 296 УК РФ.

Вместе с тем, следует, что насилие должно применяться в процессе осуществления угрозы, поскольку законодатель разделяет угрозу (ч. 1 ст. 296 УК) и насилие (ч. 3 и ч. 4 ст. 296 УК). Наша позиция находит подтверждение в материалах судной практики.

Список литературы

- 1. Амиров К. Ф., Сидоров Б. В., Харисов К. Н.** Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодательства. Казань, 2003. С. 167.
- 2. Лукьянова И. В.** Уголовно-правовое регулирование угрозы в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования // Право: теория и практика. М., 2004. № 6. С. 53.
- 3. Российское уголовное право. Особенная часть** / под ред. Л. В. Иногамовой-Херай, В. С. Комисарова, А. И. Рапога. М., 2008. С. 534.
- 4. Уголовное право России: практический курс** / под ред. П. А. Адельханяна. М.: Wolters Kluwer, 2004. С. 694.

THREAT OR VIOLENT ACTIONS CONNECTED WITH JUSTICE ADMINISTRATION: LEGAL ASPECT

Ludmila Aleksandrovna Spektor

*South-Russian State University of Economics and Service in Shahty
spektor2@yandex.ru*

In the article the issues of threat or violent actions connected with justice administration as the crime against justice are considered.

Key words and phrases: justice; violent actions; crimes in the sphere of justice.